

цами, полные, постоянно улыбающиеся губы — вот портрет сына тех лет.

Олег был жизнерадостен, умел и любил хорошо говорить, ценил остроумное народное слово, смеялся искренне и весело, заражая других.

Он очень увлекался музыкой, особенно чувствовал звуки скрипки.

Мне не нужно было ходить в кино, чтобы узнать, какая идет картина: Олег, возвращаясь домой, во весь голос распевал или насвистывал песенку из нового кинофильма.

Да и кто из наших ребят не увлекается кино? Едва ли они и мыслят свою жизнь без новых кинокартин. И у каждого в этих картинах, конечно, свой любимый герой.

Олег не пропускал ни одной кинокартины. Те, что ему нравились более других, надолго сохранялись в его впечатлительной душе.

Чапаев! Лихо несется тачанка, Петька у пулемета. Жаркая схватка. Победа! Мужество бойцов, их песни, пляски, дружба, любовь к народу и к своему Василию Ивановичу Чапаеву. И его горячее честное сердце, бьющееся ответной любовью и безудержной отвагой. Мечты Чапая. Песня «Ты не вейся, черный ворон...» Ночь. Удар в спину. Петька встает грудью за своего командира и старшего товарища. Глубокий Урал. Круги на воде. И вот она — месть врагу...

Олег бредил Чапаевым, восторгался Петькой и Анкой, но ближе всех его уму, сердцу и рассудку был комиссар Дмитрий Фурманов.

Часто — днем ли или в темноте перед сном — запоздно разговаривали мы с Олегом о прямом, большевистском характере Фурманова, о его спокойствии и выдержке, презрении к панике и унынию. На своей щеке я ощущала взволнованное дыхание сына, видела, как поблескивают в темноте его широко открытые глаза.